

УДК 343.79

НОРМЫ О КРИМИНАЛЬНОМ БАНКРОТСТВЕ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА

К. С. ЗАХИЛЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются тенденции развития норм о криминальном банкротстве в контексте развития и эволюции института банкротства. Анализируются основные этапы и взаимосвязь их развития. Формулируются причины такой зависимости. Обосновываются недостатки закрепленных в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. ст. 238–241, выявленные в результате их соотнесения с основными результатами и перспективами развития института банкротства в Республике Беларусь. Предлагаются пути совершенствования ст. 238–241 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: криминальное банкротство; банкротство; институт банкротства; неплатежеспособность; история норм о криминальном банкротстве.

CRIMINAL BANKRUPTCY RULES IN CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF BANKRUPTCY LAW EVOLUTION

K. S. ZAKHILKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article deals with trends of the criminal bankruptcy rules in Criminal Code of the Republic of Belarus in the context of bankruptcy law evolution. The main stages and the correlation of its development are analyzed. The reasons for the correlation are formulated. The weaknesses of art. 238–241 of the Criminal Code of the Republic of Belarus of 1999, identified as a result of their correlation with the main results and prospects for the development of the bankruptcy law in the Republic of Belarus are substantiated. On the basis the proposals for improving art. 238–241 of the Criminal Code of the Republic of Belarus are provided.

Keywords: criminal bankruptcy; bankruptcy; bankruptcy law; insolvency; history of criminal bankruptcy rules.

Введение

История развития норм о криминальном банкротстве берет свои начала в Античности и Средневековье вместе с возникновением примитивных, основанных на обычном праве, правил разрешения вопросов несостоятельности и, соответствен-

но, регламентации ответственности за виновную несостоятельность и причинение ущерба кредиторам [1]. Дальнейшее развитие и обособление рассматриваемых уголовно-правовых норм как самостоятельного правового явления происходило

Образец цитирования:

Захилько КС. Нормы о криминальном банкротстве в Уголовном кодексе Республики Беларусь в контексте развития института банкротства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2019;2:17–24.

For citation:

Zakhilko KS. Criminal bankruptcy rules in Criminal Code of the Republic of Belarus in the context of bankruptcy law evolution. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2019;2:17–24. Russian.

Автор:

Кирилл Сергеевич Захилько – старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Kiryl S. Zakhilko, senior lecturer at the department of criminal law, faculty of law.
zakhilko@yahoo.com

в тесной связи с появлением и развитием института банкротства, современное представление о котором начинает зарождаться в период бурного развития торговых отношений в Европе [2]. На протяжении этого историко-правового процесса фиксируются конкретные связи между содержанием норм об ответственности за криминальное банкротство и институтом банкротства, имеющие характер тенденции. Период новейшей истории суверенной Республики Беларусь не может стать исключением.

В связи с указанным рассмотрению вопроса развития норм о криминальном банкротстве в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) в контексте развития института банкротства

создает необходимые предпосылки для выявления причин неэффективности существующих норм о криминальном банкротстве и формирования основных направлений их совершенствования. Вместе с тем предметная научно-теоретическая разработка данного вопроса в отечественной литературе до сих пор не осуществлялась. Особую актуальность рассматриваемой теме придает круглая дата – 20 лет с момента принятия первого Уголовного кодекса суверенной Беларуси, – обязывающая к комплексной и критической рефлексии пройденного законодателем пути, в том числе в области установления уголовной ответственности за общественно опасные деяния, связанные с экономической несостоятельностью (банкротством).

Основная часть

Законом Республики Беларусь от 15.06.1993 № 2401-ХІІ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» Уголовный кодекс Республики Беларусь от 29.12.1960 (далее – УК 1960 г.) дополнен ст. 150³ «Ложное банкротство», 150⁴ «Злостное банкротство», 150⁵ «Срыв возмещения убытков кредиторам», устанавливающими ответственность за криминальные банкротства. Ст. 150³ запрещала предоставление заведомо подложных документов с целью признать субъект хозяйствования несостоятельным или банкротом. Ст. 150⁴ признавала преступным умышленное сокрытие экономической несостоятельности, если эти действия причинили кредиторам крупный ущерб. Ст. 150⁵ устанавливала ответственность за сокрытие, сбыт или уничтожение своего имущества должником с целью сорвать либо уменьшить возмещение убытков кредиторам. Субъектом рассматриваемых преступлений определялся предприниматель (должник) или должностное лицо юридического лица. Обязательным признаком объективной стороны выступала существующая или наступающая обстановка несостоятельности (за исключением ложного банкротства). Большинство норм (ст. 150³, 150⁵ УК 1960 г.) о криминальном банкротстве криминализируют конкретные обманные способы злоупотреблений, связанные с неплатежеспособностью, и, более того, описывают преступления с формальной конструкцией составов. Лишь ст. 150⁴ УК 1960 г. предусматривала общественно опасные последствия в качестве обязательного признака преступления.

Исторически появление рассматриваемых норм обусловлено становлением института банкротства в современной Беларуси, которое началось с принятием Закона от 30.05.1991 № 826-ХІІ «Об экономической несостоятельности и банкротстве» (далее – Закон 1991 г.). Данный закон состоял всего из 46 статей и, как отмечается исследователями, «носил преимущественно концептуальный характер, не описывал детально регламентированные про-

цедуры, не имел норм, регулирующих проведение финансового оздоровления и четко определяющих действия антикризисных управляющих, кредиторов и должника» [3]. Основные положения вышеуказанного закона направлены на максимально возможное удовлетворение требований кредиторов за счет продажи имущества должника. Вместе с тем сформулирована цель института – восстановление платежеспособности либо (при невозможности ее достижения) ликвидация субъекта хозяйствования, для чего предусматриваются некоторые меры по защите должника и ряд ограничений, направленных на его защиту [3]. Однако механизмы реализации указанного положения должным образом в законе еще не были представлены.

Учитывая обстоятельства появления норм о криминальном банкротстве в постсоветском государстве, где ранее существовала плановая экономика и банкротство как явление отсутствовало, очевидно, что рассматриваемые нормы формулировались с учетом дореволюционного и иностранного законодательного опыта, где институт банкротства и связанные с ним уголовно-правовые нормы прошли длительный путь становления и развития. Рассмотрим основные положения существующих подходов и общие черты их эволюции в области формулирования норм об ответственности за криминальное банкротство в таких государствах на предмет их соотношения с динамикой института банкротства и степени учета состояния регулирования института банкротства при формулировании рассмотренных выше и реформированных впоследствии норм о криминальном банкротстве в Республике Беларусь.

Возникновение примитивных, основанных на обычном праве, правил разрешения вопросов несостоятельности повлекло появление регламентации ответственности за виновную несостоятельность и причинение ущерба кредиторам [1, с. 138; 4, с. 2, 16; 5, с. 110]. В период Средневековья содержание такой регламентации отталкивалось от

изначального посылы «несостоятельный – следовательно, мошенник» [6, с. 13–14]. Параллельно появлению и оформлению конкурсного права к XVI–XVII вв. в ряде стран Европы возникает тенденция законодательного разделения виновной (уголовно наказуемой) и несчастной несостоятельности (не влекущей уголовной ответственности) [7, с. 250]. Соответственно, под криминальным банкротством понимался такой вид имущественного посягательства, как преднамеренное (виновное) банкротство.

Данный подход был более чем обусловлен реальным содержанием охраняемых общественных отношений, так как центральным охраняемым благом все еще признавались исключительно имущественные интересы кредиторов, реализация которых была непосредственно связана с фактом возврата долгов. При этом содержание правовых процедур возврата долгов обеспечивалось преимущественно за счет обращения взыскания на имущество должника без каких-либо восстановительных или защитных мер. В связи с этим отсутствовал существенный временной и причинный разрыв (в виде деятельности третьих лиц, не зависящей от должника и осуществляемой под защитными механизмами, целью которой было сохранение экономических ресурсов и восстановление имущественного положения должника) между обманными действиями должника и существенным вредом для интересов кредиторов. Как видно, именно ущерб в виде невозвращенных долгов в результате обманных действий и выступал достаточной и необходимой мерой изначальной опасности деяний должника для охраняемых уголовным законом интересов. Дальнейшее развитие норм о криминальном банкротстве на данном этапе было связано с формулированием специальных норм о причинении ущерба (имущественных преступлениях), непосредственно связанных с преднамеренным банкротством и (или) детализирующих содержание данного преступления (соучастие в виновном банкротстве, причинение ущерба отдельным кредиторам путем удовлетворения требований иных кредиторов, уклонение должника от кредиторов и т. д.) [2, с. 111–112; 7, с. 251; 8, с. 392; 9, с. 5–18].

Следующий этап развития и обособления рассматриваемых уголовно-правовых норм (как самостоятельного правового явления, отдельной группы норм) происходил в тесной связи с появлением и развитием института банкротства, современное представление о котором начинает зарождаться в период бурного развития торговых отношений в Европе [2, с. 104–107; 10, с. 11]. Основной причиной этого стало появление внеликвидационных функций и развитие механизмов их реализации в рамках института банкротства, повлекших значительное осложнение системы составляющих его правовых норм и фактически осуществляемых процедур. Содержательно это изменение норм о криминальном банкротстве выразилось в посте-

пенном расширении числа преступлений, непосредственно направленных на защиту этих процедур (порядка) банкротства, сформулированных по типу формальных конструкций составов преступлений: нарушение формальных процедур и требований в рамках конкурсного производства (или его преддверии) – нарушение бухгалтерского учета в такой обстановке, уклонение должника от кредиторов и т. д. [7, с. 251].

Исходя из содержания данных тенденций становится очевидно, что законодатель поступательно признает, что криминальное банкротство причиняет существенный вред *установленному порядку* исполнения неплатежеспособным должником обязательств перед кредиторами, а не имущественным интересам отдельных кредиторов, реальное содержание и объем виновного нарушения которых все сложнее и сложнее определить в связи с осуществлением длительных и весьма сложных защитных механизмов и конкурсных (особенно в части восстановительных мер) процедур в отношении должника. Самоценность данного порядка следует определять, исходя из того, что в обстановке существующей невозможности исполнения обязательств должника (неплатежеспособности) некоторые специфические формы уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами уже сами по себе закономерно и с внутренней необходимостью влекут причинение существенного вреда интересам кредиторов и определяют необходимость формулирования особых (отличных от норм об умышленном причинении ущерба в результате злоупотреблений и обманных действий) уголовно-правовых запретов.

Указанное следует связывать с тем обстоятельством, что на опасность и преступность ряда обманных злоупотреблений должника не влияют и не должны влиять обязательно осуществляемые в отношении имущества должника третьими лицами защитные и восстановительные меры. Иными словами, *должник не должен отвечать за действия управляющего, восстанавливающего платежеспособность должника* (который, к примеру, увеличил реальный ущерб от действий должника, совершенных до начала восстановительных или конкурсных процедур), *равно как эти же действия никак не влияют на общественную опасность изначально совершенных должником обманных действий* (например, в ситуации, когда управляющий своими действиями сократил размер ущерба кредиторам от направленных на причинение ущерба обманных действий должника). Таким образом, с точки зрения отечественного уголовного права существенность указанного вреда следует определять как значительной величиной обязательств перед кредиторами, от исполнения которых с использованием различных способов обмана уклонялся неплатежеспособный должник (объективный критерий), так и заведомой направленностью деяний на причинение кре-

диторам такого вреда (субъективный критерий) (ч. 4 ст. 11 УК).

Эти тенденции взаимосвязи развития норм об ответственности за деяния, связанные с несостоятельностью и банкротством, с развитием института банкротства являлись универсальными для континентальной системы права, что указывает на их объективный характер. Это можно проследить не только в рамках развития законодательства в странах континентальной Европы, но и в Российской империи, включенной на тот момент в европейские торговые и иные социально-экономические процессы [2, с. 104–112].

Как видно, первые постсоветские белорусские нормы о криминальном банкротстве были довольно прогрессивными (за исключением ст. 150⁴ УК 1960 г.), учитывали рассмотренные выше обстоятельства и содержали в себе черты норм о криминальном банкротстве современных западно-европейских государств. Вместе с тем с учетом содержания существовавшего на момент их формулирования состояния регулирования института банкротства (Закон 1991 г.) такой подход был поспешным и не соответствовал уровню развития института банкротства в то время, что и предопределило дальнейший регресс норм о криминальном банкротстве, случившийся в противовес быстрому развитию института банкротства в 2000-х гг. Рассмотрим этот процесс подробнее.

Изначально принятый 9 июля 1999 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь перенимал наметившиеся ранее подходы к криминализации общественно опасных деяний в области экономической несостоятельности (банкротства). Кодекс содержал следующие статьи, посвященные криминальному банкротству: ст. 238 «Ложное банкротство», ст. 239 «Соккрытие банкротства», ст. 240 «Преднамеренное банкротство», ст. 241 «Срыв возмещения убытков кредиторам».

Не претерпели существенных изменений ст. 238, 239 и 241 УК по сравнению с рассмотренными ст. 150³, 150⁴ и 150⁵ УК 1960 г. Ст. 240 впервые в истории суверенной Республики Беларусь вводила ответственность за преднамеренное банкротство, выраженное в умышленном создании или увеличении неплатежеспособности должником в личных интересах, интересах иных лиц, повлекшее причинение ущерба в крупном размере.

Как видно, дополнительно к уже знакомым белорусской правовой системе видам криминального банкротства было отнесено и классическое имущественное посягательство – умышленное («злостное») банкротство, история криминализации которого уходит корнями в средние века. Тем самым законодатель делает первый «шаг назад» относительно современных тенденций развития норм о криминальном банкротстве, в рамках которых стремится отказаться от криминализации указанного преступления в пользу установления более эф-

фективных и конкретных уголовно-правовых норм об ответственности за связанные с ним обманные деяния, существенно дезорганизующие институт банкротства, нормальная работа которого является необходимой предпосылкой для защиты интересов кредиторов в микрокризисных ситуациях.

Существенные изменения нормы о криминальном банкротстве претерпели в соответствии с Законом Республики Беларусь от 20.07.2007 № 274-З «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам ответственности за нарушения законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 2007). Изменения произошли по двум направлениям: техническое приведение норм в соответствие с положениями нового законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) и изменение подходов в определении противоправности и наказуемости некоторых видов криминального банкротства.

В целях *технического* приведения норм УК в соответствие с новым законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве) в диспозициях рассматриваемых статей заменены признаки, касающиеся обстановки совершения деяния и процедур института банкротства, на актуальные: «экономическая несостоятельность (банкротство)», «неплатежеспособность» взамен понятий «несостоятельность» и «банкротство», осуществлены некоторые иные изменения (уточнен субъект преступления, изменена модель описания деяния, что было вызвано требованиями юридической техники и содержанием бланкетных диспозиций рассматриваемых норм), в ст. 238 УК конкретизирован адресат подачи подложного заявления (или иных сведений) – суд, рассматривающий дело о банкротстве.

В рамках изменения подходов в определении противоправности и наказуемости деяний в ст. 240 УК включены квалифицирующие признаки, такие как «повторность», «группа лиц по предварительному сговору», «причинение ущерба в особо крупном размере» (ч. 2 ст. 240 УК); в ст. 241 УК добавлен такой способ совершения преступления, как повреждение имущества. Однако *наиболее существенное изменение, окончательно сформировавшее существовавшую систему уголовно-правовых мер противодействия криминальному банкротству, произошло в ст. 241 УК.*

Наиболее важным изменением в системе рассматриваемых норм стало *преобразование конструкции состава преступления*, предусмотренного ст. 241 УК. С внесенными Законом 2007 г. изменениями обязательным признаком рассматриваемого преступления стало «причинение ущерба кредиторам в крупном размере», тогда как ранее состав описывался как формальный. В контексте исторического развития норм о криминальном банкротстве такое изменение следует охарактеризовать

как очередной (наряду с введением в УК нормы об умышленном (преднамеренном) банкротстве вместо дальнейшей работы над конкретизацией обманных деяний при банкротстве) «шаг назад». В результате подавляющее число норм о криминальном банкротстве приобрело признаки, которые большинство иностранных государств отвергли в рамках развития законодательства в течение XX в.

Рассмотренные изменения были осуществлены со следующими особенностями:

а) в угоду популярной тенденции гуманизации уголовной ответственности за преступления против порядка осуществления экономической деятельности на основании изучения статистических показателей применения той или иной нормы гл. 25 УК, но без учета важных особенностей совершения криминального банкротства и расширения значения института банкротства;

б) как результат анализа практики применения норм о криминальном банкротстве за период с 1993 по 2005 г., когда институт банкротства в Республике Беларусь находился в неразвитом, концептуальном состоянии;

в) для защиты отдельных корпоративных интересов с целью защитить государственный сектор экономики и должностных лиц, руководящих государственными организациями. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 12.11.2003 № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)» (далее – Указ 2003 г.) предусматривались значительные особенности при банкротстве государственных и градообразующих предприятий, которые фактически выводили их из сферы предусмотренных институтом банкротства рыночных механизмов, образовывали новый класс антикризисных управляющих – фактически государственных чиновников для работы с градообразующими или приравненными к ним государственными и с долей государства организациями, а также с субъектами, имеющими государственные и международные заказы [3].

На сегодня указанные моменты требуют иного решения, так как рассматриваемые изменения в уголовном законодательстве не учитывали параллельного развития института банкротства и даже противоречили ему. Исследователи отмечают, что в отличие от своего предшественника (Закон 1991 г.) Закон Республики Беларусь от 18.07.2000 № 423-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 2000 г.) *определял и подробно регламентировал различные процедуры банкротства, был направлен на формирование жесткого рыночного механизма очищения экономики от неэффективных бизнесов, носил приватизационный характер, чему сопутствовало резкое увеличение количества банкротств* [3]. Существенным

шагом в развитии института банкротства стало принятие Указа 2003 г., в результате чего основной акцент в работе с кризисными субъектами *был перенесен на досудебное оздоровление*. Принятие Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 2012 г.) было направлено на приведение отмененного им Закона 2000 г. в соответствие с законодательными актами, принятыми после 2000 г. (главным образом с вышеупомянутым Указом 2003 г. и его последующими корректировками) [3].

Анализируя содержание сформированных на сегодня подходов к экономической несостоятельности (банкротству) и сравнивая его с документами, под влиянием которых были сформулированы существующие редакции ст. 238–241 УК (Закон 1991 г., Закон 2000 г., Указ 2003 г.), следует обратить внимание на следующее.

Во-первых, определенный в ст. 239–241 УК момент окончания криминального банкротства, значительно разорванный с моментом реального причинения вреда интересам кредиторов, создает препятствия для возможности надлежащим образом использовать данные нормы для борьбы с некоторыми вариантами общественно опасных деяний из числа криминального банкротства и вызывает практическую необходимость приспособить соответствующие нормы к изменившимся условиям [11, с. 15–20]. Факты реального причинения существенного вреда интересам кредиторов (невозможность исполнения обязательств в результате обманных действий должника) и причинения ущерба (который определяется после юридической констатации невозможности исполнения обязательств должника перед кредиторами после завершения ликвидационного производства или утверждения мирового соглашения) непосредственно не связаны между собой. Они значительно отдалены друг от друга во времени из-за предусмотренных и имеющих приоритет в современном институте банкротства защитных и восстановительных мер, реализация которых напрямую не зависит от должника и не влияет на изначальную направленность деяний на заведомое причинение вреда кредиторам. Это предопределяет необходимость признать момент окончания криминального банкротства момент выполнения конкретных обманных деяний, повлекших недоступность имущества должника для кредиторов, а не момент причинения ущерба. Реально на практике при таком подходе юридически размер имущественного вреда, причиненного кредиторам, будет определен исходя из размера принятых экономическим судом в конкурсном производстве требований кредиторов, т. е. еще до применения к должнику восстановительных мер третьими лицами, что максимально

точно учитывает общественную опасность криминального банкротства в современных условиях развития института банкротства.

Во-вторых, определенный в ст. 239–241 УК момент окончания криминального банкротства, отнесенный на момент юридического окончания ликвидационного производства (только после этого факта возможно констатировать ущерб как обязательный признак рассматриваемых преступлений), прямо противоречит отдельным положениям современного института банкротства, создает препятствия в реализации заложенных в нем механизмов, направленных на защиту прав и интересов кредиторов. Так, в соответствии с абз. 4 ч. 1 ст. 109 Закона 2012 г., в ходе конкурсного производства (которое заканчивается ликвидационным производством) сделки должника могут быть признаны недействительными, «если должник вызвал свою неплатежеспособность уголовно наказуемым деянием, установленным вступившим в законную силу приговором суда». Как видно, несовершенство ст. 239–241 УК влечет невозможность применения эффективной меры возврата имущества должника, утраченного в случае совершения явных обманных действий, изначально направленных на уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами.

В связи с этим же используемый в ст. 238–239, 241 УК бланкетный признак «Неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер» (раскрываемый в законодательстве об экономической несостоятельности (банкротстве) с использованием преимущественно формальных критериев, иллюстрирующих длительную неэффективность хозяйственной деятельности или неоплатность, исключительно на основе данных бухгалтерского баланса) не может являться признаком обстоятельства совершения криминального банкротства, так как данное состояние непосредственно не связано с начальным моментом возникновения возможности причинения вреда интересам кредиторов и может являться результатом криминального банкротства, причиняющим существенный вред охраняемым УК интересам. Более подробно данный вопрос раскрыт в научных публикациях [10, с. 62–69].

Далее, в ст. 238 УК излишний характер приобрели следующие слова: «...о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер». Учитывая, что предмет документарного обмана ограничен лишь сведениями о «неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер», из круга деяний, криминализованных в соответствии со ст. 238 УК, выпадают случаи, когда лицо искажает сведения об иных основаниях подачи заявления должника, предусмотренных Законом 2012 г. К таким ситуациям следует относить искажения

сведений о невозможности исполнения денежных обязательств перед кредиторами (кредитором) при исполнении обязательств перед иными кредиторами (кредитором) (ч. 2 ст. 9 Закона 2012 г.). Искажение таких сведений предполагает ситуацию, когда в целом у должника может присутствовать имущество для удовлетворения требований кредиторов (отсутствует неоплатность), но отсутствует возможность исполнить денежные обязательства. Как видится, хоть искажение таких сведений «с целью признания должника экономически несостоятельным» и формально, оно не предполагает наличия у лица цели причинить ущерб кредиторам (имущество для исполнения обязательств якобы имеется), но причиняет существенный вред установленному порядку исполнения обязательств перед кредиторами, основанному на обеспечении финансовой безопасности должника, и подлежит включению в число деяний, оцениваемых в соответствии со ст. 238 УК, а не общими ст. 380 или ст. 427. Это связано со следующими обстоятельствами:

- в результате рассматриваемых действий лицо целенаправленно избегает исполнения обязательств, пусть формально не исключая их исполнение вообще, но значительно затрудняя или откладывая на значительное время, связанное с проведением процедур банкротства;

- в результате рассматриваемых действий лицо может умышленно причинить ущерб кредиторам в особо крупном размере, что может быть оценено в соответствии с ч. 2 ст. 238 УК, но не может быть надлежащим образом оценено в соответствии со ст. 380 или ст. 427 УК;

- в результате рассматриваемых действий лицо причиняет вред еще одному объекту – интересам правосудия, что также не учтено в ст. 380, 427 УК;

- наличие или отсутствие долгосрочных активов для удовлетворения требований кредиторов устанавливается исходя из их формальной балансовой оценки, что может использоваться и используется большинством хозяйствующих субъектов в противоправных целях.

Как видно, предоставление суду заведомо ложной информации с целью признать должника экономически несостоятельным (банкротом) достигает общественной опасности, присущей преступлению. Выделение же в Особенной части УК подобной специальной нормы (ст. 238 УК) при наличии общих норм (ст. 380 и 427 УК) является социально обусловленным ввиду повышенной общественной опасности действий платежеспособного должника, требующих применения более строгих мер уголовной ответственности, чем предусмотренные в указанных общих нормах.

Внесенный в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь проект закона «О несостоятельности и банкротстве»¹ направлен

¹«О несостоятельности и банкротстве» [Электронный ресурс]. URL: <http://house.gov.by/ru/zakony-ru/view/o-nesostojatelnosti-i-bankrotstve-150/> (дата обращения: 23.04.2019).

на дальнейшее обеспечение развития института банкротства как *сбалансированного* механизма защиты интересов должников, кредиторов, работников, собственников бизнесов, государства и общества в целом. Документ предполагает расширение самостоятельности и круга полномочий у временного (антикризисного) управляющего, расширение оснований подачи заявления о несостоятельности или банкротстве должником (что расширит сферу

применения института банкротства) и иные изменения [3; 12], направленные на дальнейшую эволюцию института банкротства в русле того, как он развивался в современных рыночных экономиках иностранных государств. Реализация этих подходов не устранил, а лишь обострит актуальность вышеуказанных проблем, тогда как предложенные в настоящей статье пути их решения согласуются с положениями проекта.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Нормы о криминальном банкротстве как вид норм об имущественных преступлениях возникли после появления конкурсного права, но не были выделены в отдельную группу по причине простоты регламентации процедур банкротства, которое по большей части представляло собой особую форму ликвидации хозяйствующего субъекта и не вызвало острой необходимости использовать специфические подходы при формулировании уголовно-правовых норм о преступлениях в этой сфере.

С течением времени в связи с усложнением финансово-экономических отношений и правовой регламентации экономической несостоятельности (банкротства) нормы о криминальном банкротстве трансформируются в отдельную группу. В первую очередь это связано с тем обстоятельством, что появление в институте банкротства механизмов, обеспечивающих приоритет его внеликвидационных функций, создало препятствия для надлежащего использования традиционных норм о преступлениях против собственности и имущественных преступлениях для борьбы с некоторыми вариантами общественно опасных деяний из числа криминального банкротства и вызвало практическую необходимость приспособить соответствующие нормы к изменившимся условиям. Анализ развития института банкротства и норм о криминальном банкротстве в Республике Беларусь за период с 1991 г. по настоящее время позволяет выявить ряд проблем, связанных с тем обстоятельством, что существующие в УК нормы о криминальном банкротстве не в полной мере учитывают современное состояние регулирования вопросов экономической несостоятельности (банкротства).

2. Криминальное банкротство причиняет существенный вред установленному порядку исполнения неплатежеспособным должником обязательств перед кредиторами. Самоценность данного порядка определяется тем, что в обстановке существующей невозможности исполнить обязательства должника (*неплатежеспособности*) некоторые специфические формы уклонения от исполнения

обязательств перед кредиторами *уже сами по себе* закономерно и с внутренней необходимостью влекут причинение существенного вреда интересам кредиторов. Существенность же указанного вреда определяется как значительной величиной обязательств перед кредиторами, от исполнения которых с использованием различных способов обмана уклоняется неплатежеспособный должник (объективный критерий), так и заведомой направленностью деяний на причинение кредиторам такого вреда (субъективный критерий).

3. Подлежат исключению следующие слова ст. 238 УК: «...о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер». Предоставление суду заведомо ложной информации с целью признать должника экономически несостоятельным (банкротом) достигает общественной опасности, присущей преступлению. Выделение же в Особенной части УК подобной специальной нормы (ст. 238) при наличии общих норм (ст. 380, 427) является социально обусловленным ввиду повышенной общественной опасности действий платежеспособного должника, требующих применения более строгих мер уголовной ответственности, которые предусмотрены в указанных общих нормах.

4. Факты реального причинения существенного вреда интересам кредиторов (невозможность исполнить обязательства в результате обманных действий должника) и причинения ущерба (юридической констатации невозможности исполнить обязательства должника перед кредиторами после завершения ликвидационного производства) непосредственно не связаны между собой. Они значительно отдалены друг от друга во времени из-за предусмотренных в законодательстве защитных и восстановительных мер, реализация которых напрямую не зависит от должника и не влияет на изначальную направленность деяний на заведомое причинение вреда кредиторам. Это предопределяет необходимость признать момент окончания криминального банкротства момент выполнения конкретных обманных деяний, повлекших недоступность имущества должника для кредиторов, а не момент причинения ущерба. Реально на

практике при таком подходе юридически размер имущественного вреда, причиненного кредиторами, будет определен исходя из размера принятых экономическим судом в конкурсном производстве требований кредиторов, т. е. еще до применения к должнику восстановительных мер третьими лицами, что максимально точно учитывает общественную опасность криминального банкротства в современных условиях развития института банкротства.

Библиографические ссылки

1. Захилько КС. Средневековые тенденции в области зарождения и развития норм о криминальном банкротстве на территории некоторых Восточнославянских земель. *Анналы юридической истории*. 2018;2(1–2):137–144.
2. Захилько КС. Исторический аспект криминализации деяний, входящих в группу криминального банкротства. В: Шаблинский ДВ, редактор. *Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе. Выпуск 3*. Минск: Четыре четверти; 2017. с. 104–112.
3. Смольский АП. Совершенствование законодательства о банкротстве [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс: Беларусь*. ООО «ЮрСпектр». Минск; 2019.
4. Телюкина МВ. *Основы конкурсного права*. Москва: Волтерс Клувер; 2004. 506 с.
5. Черновалов АВ. *Несостоятельность (банкротство) в институциональной экономике: белорусская модель*. Минск: Мисанта; 2004. 331 с.
6. Шершеневич ГФ. *Конкурсное право*. Казань: Типография Императорского университета; 1898. 489 с.
7. Клепицкий ИА. *Система хозяйственных преступлений*. Москва: Статут; 2005. 572 с.
8. Фойницкий ИЯ. *Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные*. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича; 1912. 451 с.
9. Кораев КБ. *Неплатежеспособность: новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства)*. Москва: Проспект; 2017. 320 с.
10. Зарудный СИ. *Торговое уложение Итальянского королевства и русские торговые законы. Опыт сравнительного изучения системы законодательства*. Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1870. 258 с.
11. Захилько КС. Момент окончания криминального банкротства и значение взглядов И. С. Тишкевича о неоконченном преступлении для его определения. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;3:15–20.
12. Каменков ВС. Как новый проект закона о банкротстве соотносится с практикой [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс: Беларусь*. ООО «ЮрСпектр». Минск; 2019.

References

1. Zakhilko KS. [Medieval tendencies in the field of the origin and development of norms on criminal bankruptcy in the territory of some East Slavic lands]. *Annaly yuridicheskoi istorii*. 2018;2(1–2):137–144. Russian.
2. Zakhilko KS. [The historical aspect of the criminalization of acts included in the group of criminal bankruptcy]. In: Shablinskii DV, editor. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva Respubliki Belarus' na sovremennom etape. Vypusk 3* [Actual problems of improving the criminal legislation of the Republic of Belarus at the present stage. Issue 3]. Minsk: Four quarters; 2017. p. 104–112. Russian.
3. Smolskii AP. Bankruptcy law improving [retrieval system]. *Consultant Plus: Belarus*. LLC «YurSpektr». Minsk; 2019. Russian.
4. Telyukina MV. *Osnovy konkursnogo prava* [Basics of competition law]. Moscow: Walters Kluver; 2004. 506 p. Russian.
5. Chernovalov AV. *Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) v institutsional'noi ekonomike: belorusskaya model'* [Insolvency (bankruptcy) in institutional economics: the Belarusian model]. Minsk: Misanta; 2004. 331 p. Russian.
6. Shershenevich GF. *Konkursnoe pravo* [Competition law]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta; 1898. 489 p. Russian.
7. Klepitskii IA. *Sistema khozyaistvennykh prestuplenii* [The system of economic crimes]. Moscow: Statut; 2005. 572 p. Russian.
8. Foinitskii IY. *Kurs ugovolnogo prava. Chast' osobennaya: posyagatel'stva lichnye i imushchestvennye* [The course of criminal law. Part Special: personal and property infringements]. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha; 1912. 451 p. Russian.
9. Korayev KB. *Neplatezhesposobnost': novyi institut pravovogo regulirovaniya finansovogo ozdorovleniya i nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [Insolvency: new institute of legal regulation of financial recovery and insolvency (bankruptcy)]. Moscow: Prospect; 2017. 320 p. Russian.
10. Zarudnii SI. *Torgovoe ulozhenie Ital'yanskogo korolevstva i russkie torgovye zakony. Opyt sravnitel'nogo izucheniya sistemy zakonodatel'stva* [Trade Code of the Italian Kingdom and Russian trade laws. Experience comparison of study system of legislation]. Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii; 1870. 258 p. Russian.
11. Zakhilko KS. The moment of the criminal bankruptcy completing and I. S. Tishkevich doctrine of the unfinished crime value for this moment determining. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2018;3:15–20. Russian.
12. Kamenkov VS. How a new bankruptcy law draft bill corresponds to practice [retrieval system]. *ConsultantPlus: Belarus*. LLC «YurSpektr». Minsk; 2019. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.04.2019.
Received by editorial board 23.04.2019.